

УДК 165+168

БУДУЩЕЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ПОИСК СТАРЫХ РЕШЕНИЙ К НОВЫМ ПРОБЛЕМАМ

В.С. Шаульский

*студент I курса философского факультета, отделение философии,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38093-529-68-18; email: godshape@mail.ru*

Целью исследования выступает задача определения степени кризиса философии. Автор рассматривает исторические предпосылки появления различных взглядов по поводу важности философского способа мышления и проводит сравнительный анализ двух господствующих философских традиций: континентальной и англо-американской. Объектом исследования выступает история философии двадцатого века.

Ключевые слова: кризис, философская мысль, мышление, мейнстрим, континентальная и аналитическая философские традиции.

Метою дослідження є визначення ступеня кризи філософії. Автор розглядає історичні передумови появи різних поглядів стосовно важливості філософського способу мислення та проводить порівняльний аналіз двох основних філософських традицій: континентальної та англо-американської. Об'єктом дослідження виступає історія філософії двадцятого століття.

Ключові слова: криза, філософська думка, мислення, мейнстрім, континентальна та аналітична філософські традиції.

The aim of the research is the problem of determining to which extent philosophy has reached its crisis. The author examines some historical background of the emergence of different views on the importance of philosophical way of thinking as well as conducts a comparative analysis of the two prevailing philosophical traditions: the continental and Anglo-American. The object of research is the history of the XXth century philosophy.

Key words: crisis, philosophical thought, thinking, mainstream, continental and analytical philosophical traditions.

Сейчас, как никогда ранее, становится актуальным вопрос применения той или иной области знания в общечеловеческом прогрессе: наш век, есть век открытий и преобразований, век молниеносного культурного развития, и каждое отдельное открытие, совершенное в области физики или математики, становится уже не просто вкладом человека в сокровищницу его собственной истории, но и очередной ступенью к последующим открытиям в других научных плоскостях. В этой связи, часто поднимается вопрос актуальности и содержательности такой фундаментальной области знания, как философия. Наша статья нацелена на выяснение перспективности развития современной философской мысли, её утилитарности и полезности для современного человека, на основе анализа исторического контекста в котором она пребывает. Мы основывались на некоторых высказываниях ведущих современных философов, выступающих апологетами различных философских традиций и школ, таким образом, мы надеялись чуть более объективно оценить кризис, в котором находится философия сегодня.

Целью нашего исследования выступает задача определения степени кризиса философии, способности современных философов здраво оценивать культурно-историческую реальность, в которой они пребывают. Для этого необходимо: 1) рассмотреть исторические предпосылки появления различных взглядов на важность философского способа мышления сегодня; 2) провести сравнительный анализ двух господствующих философских традиций: континентальной и англо-американской. Объектом исследования выступает история философии XX века, а предметом – продукты исторического развития философской мысли.

XX век продемонстрировал всему человечеству не только невиданный идеологический контраст мышления, но и открыл потрясающие горизонты философскому духу тогдашней эпохи: никогда еще философия не была так близка содержанию естественной науки по строгости и конкретности и, одновременно, так далека из-за невозможности достигнуть практического результата. Вся западная философская мысль двадцатого века была наполнена тягой к переосмыслению классики, исканию новой методологии; порой, подобные желания философов были ярким выражением интеллектуального мейнстрима того времени. Как точно выразался Фуко в предисловии к «Анти-Эдипу»: «В период 1945—1965 годов (я имею в виду Европу) существовал определенный тип правильного мышления, определенный стиль политического дискурса, определенная этика интеллектуала. Нужно было быть накоротке с Марксом, в своих мечтаниях не слишком отдаляться от Фрейда и обращаться со знаковыми системами – то есть с означаемым – со всем причитающимся им почтением. Таковы были те три условия, которые делали приемлемым занятие, каковым является высказывание или запись частицы истины о себе и о своей эпохе» [2: 5] – впрочем, таковое поведение интеллектуалов было отнюдь не ново – в известное время эталоном философского мышления был Аристотель и любое серьезное философствование не могло обойтись без его «Аналитики» и «Метафизики».

На протяжении всего XX века выделяют две «конкурирующие» философские традиции: континентальную и аналитическую. Вынуждены с сожалением отметить, что до осуществления лингвистического поворота в философии континентальная традиция занималась лишь тем, что сознательно убивала в себе способность к практическому применению собственных достижений: так называемые «неомарксисты» в лице представителей Франкфуртской школы, отдавая дань моде на ревизионизм, уничтожили все рациональное и полезное в ортодоксальном марксизме, заменив его новыми расплывчатыми категориями (негативная диалектика вместо диалектического материализма; тоталитарная система вместо капиталистического мира и т.д.) и тем самым положив конец развитию марксизма в Западной Европе. Право, упрекать самих представителей Франкфуртской школы в бессмысленно-беспощадном отношении к классическому марксизму не совсем корректно, ибо неомарксистами они себя не считали, а говорили, что являются последователями разработанной критической теории, которая должна восприниматься как самобытный философский феномен, свободный от «коммунистических» предрассудков.

Разделяя идеи Маркса, многие континентальные философы, беспокоясь о том, чтобы их не уличили в «импортировании» Советам, прибегали к ужасающим идиосинкразиям в области «классической» методологии XIX века: совмещая Ницше с Фрейдом, а Фрейда с Марксом. Удручает, что государства того времени были инициаторами образования огромного количества идеологических и философских клише, согласно которым требовалось быть максимально отдаленным от «вульгарного материализма» (не стоит забывать и о так называемой «биполярной» системе международных отношений существовавшей в двадцатом веке – наличие стран социалистического лагеря обязывало к заранее определенному типу мышления на Западе: после реализации политики маккартизма в США действовало негласное правило – «Мысль должна быть как можно менее «красной»), подобная политика благотворно влияла на метания континентальных философов из областей политических в плоскости психоаналитические. Разумеется, все это до определенного культурно-философского скачка, осуществленного аналитической философией и в частности Витгенштейном во второй половине двадцатого века.

Наша статья в известной мере является ответом на утверждения американского представителя Питтсбургской школы Джесси Принца о будущем философии: «Грядущее поколение философов устроит настоящую бурю» [6] – именно Принц является одним из тех, кто повествует нам о ближайшем «эмпирическом повороте» в философии. Деятельность Питтсбургской школы заключается в продолжении аналитической традиции и дополнении её прагматизмом вкупе с интуициями немецкой классической философии. Мы полагаем чрезвычайно важным рассмотрение темы будущего аналитической философии, ибо искренне верим в её ведущую роль во всём философском процессе, начавшимся еще век назад. Можно отметить период относительной самостоятельности как континентальной, так и аналитической философии, длившийся до середины двадцатого века – представители обоих направлений, не скрывая своих предубеждений, уличали друг друга в «нефилософичности» идей и методов: «...аргумент философии деградирует до уровня техники лишенного понятий мышления узкого специалиста по

понятию, как это сегодня насаждается на академический манер в так называемой аналитической философии, доступной для изучения и воспроизводства даже роботам» [1: 37] – так отзывался об англо-американской традиции Адорно во введении к своей «Негативной диалектике»; именно в тот момент, когда по обе стороны света каждая школа была предоставлена самой себе, очень скоро стало ясно, что пальма первенства будет принадлежать «аналитикам»: те немногие прогрессивные континентальные философы, что стали у истоков экзистенциализма и феноменологии двадцатого века, очень быстро отделились от набирающего обороты постмодернизма, который требовал от своих последователей радикального пересмотра философских систем и полного декаданса философской мысли. Континентальная философия столкнулась с проблемой невозможности разрешения социальных и политических дилемм и вынуждена была отойти на позиции аналитиков в той мере, в которой последние обнаруживали свой собственный философский интерес – в языке.

Если до 60-х годов двадцатого века континентальная философия объединяла в себе достаточно объемное количество философских дисциплин, таких как: феноменология, экзистенциализм, неомарксизм (критическую теорию), а позже постмодернизм и структурализм, то англо-американская традиция черпала свое содержание из единственного источника – логики. Строгость, точность и формальность логики, стройность математического способа мышления, стали общей для всех аналитиков предпосылкой к развитию собственной философской риторики: был поставлен ряд уникальных вопросов математико-лингвистического характера, ответы на которые, к сожалению, так и не были найдены; были проведены серьезнейшие, подлинно научные, исследования в области семантики и языка в целом. Аналитическая философия впервые за многие десятилетия развития истории философии вновь подняла вопрос о развенчании философских «псевдопроблем», что сыграло немаловажную роль в становлении Западного философского мышления (неприятно осознавать, что принцип отрицания псевдопроблематики постепенно отбрасывается современными аналитическими философами). Можно сказать, что аналитическая философия до того как оформиться в самобытное логико-лингвистическое образование, «стояла» на опорах неореализма (Рассел), неопозитивизма (Куайн) и сциентизма – последний был собирательным образом научной «ясности» и «понятности» философской мысли, отдающий дань уважения Аристотелю, который в своей «Аналитике» сформировал основные критерии научного знания. Поскольку основоположники аналитической традиции были так или иначе логиками и математиками, их философия не могла обойтись без математической точности и предельной логичности: весь свой интеллектуальный потенциал аналитики направили на разработку принципиально новой философской методологии, благодаря которой можно было бы подвергнуть анализу всякое явление. В первую очередь, отойдя от математической проблематики, представители аналитической философии занялись детальным изучением языка, ибо в нем они видели природу человеческого мышления, а значит и природу человеческой уникальности, человечности в целом. Тут имеет место употребить цитату из статьи Добросельского: «Я говорю, следовательно, существую» [5: 156] – взгляд на язык только лишь как на средство коммуникации был полностью переработан и частично отвергнут. Исходя из законов логики, Готлобом Фреге, стоявшим у истоков аналитической философии, был осуществлен настоящий прорыв в области математики и семантики – он ввел точное разграничение между понятиями «смысл» и «значение» [9], что дало возможность к появлению фундаментального труда Рассела «Теория описаний» [8] и развитию логико-лингвистической науки в лоне аналитической философии. Однако сам по себе лингвистический поворот в философии был осуществлен человеком, который максимально критически и беспощадно отнесся даже к собственному учителю в лице Бертрона Рассела – Людвигом Витгенштейном. Исследовав философское наследие Фреге (который впервые затронул проблему соответствия означающего и означаемого в языке), Витгенштейн пришел к выводу о том, что проблемы всякой философии в сущности своей являются лишь проблемами понимания – и тут уже не важно о каком конкретно языке идет речь, дело заключается в знаковой системе, которая неоправданно сложна и несодержательна – так мир увидел «Логико-философский трактат» [3: 180], положивший начало неумолимому утверждению нового способа осмысления языка. Витгенштейн на протяжении своего «раннего периода» был движим идеей создания безупречного языка, способного максимально ясно отражать истину о том или ином объекте; он неустанно работал в области логического анализа языка и, в конечном итоге придя к теории языковых игр, частично отказался от своих «ранних» тезисов об идеальном языке: «Четыре года назад у меня был повод перечитать мою первую книгу (Логико-философский трактат) и пояснять ее идеи. Тут мне вдруг показалось, что следовало бы опубликовать те мои старые и новые мысли вместе; что только в противопоставлении такого рода и на фоне моего прежнего образа мыслей эти новые идеи могли получить правильное освещение. Ибо, вновь занявшись философией шестнадцать лет назад, я был вынужден признать, что моя первая книга содержит серьезные ошибки» [4: 58] – выход обширного «комментария» к «Логико-философскому трактату», названного «Философскими исследованиями» [4] положил начало лингвистическому повороту в философии – с этого момента история философии никогда не станет прежней. Заинтересовавшись идеями Витгенштейна, весь англо-американский мир обратился к лингвистике сквозь призму витгенштейновского неопозитивизма: у последователей Витгенштейна была возможность не только абстрагироваться от субъективной самопритязательности автора «Трактата» и «Исследований», но также полно синтезировать его «ранние» и «поздние» идеи в единый семантический массив. Так, впоследствии, появилась теория речевых актов и перформативная гипотеза Дж. Остина, который был прямым продолжателем логико-лингвистического метода Витгенштейна. Остин развил идеи семантического анализа на новом уровне, он установил новый тип лингвистической философии, фактически оформив её в отдельную науку.

Однако последователи Витгенштейна с каждым разом все дальше отходили от понимания его главного тезиса, исходя из которого, сам Витгенштейн написал «Трактат» – тезис об отрицании философских псевдопроблем. Все его работы проникнуты стремлением выйти за рамки заблуждений «отцов» философии: задача лингвистического анализа

не заключается в том, чтобы описывать и измерять перформативные акты как это делал Остин и Сёрл, а в том, чтобы обнаружить ложность, непонятность, двоякость каждого конкретного языкового маневра и речевого акта.

После лингвистического поворота, англо-американская традиция была изменена до неузнаваемости – логика стала инструментом, а не предметом исследования (как было у Фреге), и исследования касались языковых систем. На заре кибернетики как науки подобный подход был чрезвычайно востребован в интеллектуальной среде и, казалось, направлен на прямое преобразование технического, а значит и человеческого мира. Поворот к проблемам языка и понимания существенно перевернул вектор развития континентальной философии, которая к 80-м годам занялась исследованием языка с точки зрения его структуры (структурализм и постструктурализм в виду бессистемности нельзя было отнести к области лингвистики или, например, социальной философии, они являлись частью новой методологии, появившейся в континентальной традиции в качестве «ответа» на логический позитивизм англо-американской традиции) и независимо от самостоятельных частей его системы содержания. Формальная сторона языка и любого другого феномена вызвала больший интерес у континентальных философов, нежели его содержательный момент. Философская мысль стала «суше», лишилась романтизма 40-х, 50-х годов. Парадоксально, но именно в то время, когда континентальная философия переживала коренную трансформацию своей направленности в область научности и строгости, аналитическая философия обратилась к исследованию проблем этико-моралистического характера: это было обусловлено переходом от исследования «математического», строгого языка к обыденному, в котором имелось множество оценочных суждений.

Направление аналитической философии, занявшееся рассмотрением этих проблем, получило название «метаэтики», у истоков которой стоял Джордж Мур. Популяризатором же метаэтического подхода в свою очередь стала ученица Витгенштейна Элизабет Энском, вновь обратившая внимание тогдашней интеллектуальной элиты на проблемы этики и морали. Сейчас метаэтика представляет из себя раздел философии и является широким направлением Западной философской мысли, объединившим философов различных школ.

Такова картина философской риторики конца XX века. Сейчас представители аналитической философии «изменили» каноническую логико-лингвистическую проблематику на проблематику сознания. К сожалению, как я уже заметил, вопросы поставленные аналитиками прошлого века, а именно вопросы «начала» языка и мышления, вопросы понимания и соответствия означаемого означающему – вопросы постструктурализма – так и не были разрешены. В континентальной традиции на данный момент главенствует постмодернизм, в то время как англо-американская традиция наполнена веяниями биологического материализма и психологического сциентизма (Деннет) – обе эти традиции с каждым годом становятся все менее приспособленными к практическому преобразованию мира, но, несмотря на эту тенденцию, Джесси Принц почему-то уверен в близости «эмпирического поворота» в философии. Надеяться на чудесное явление спасителя философской мысли из дебрей постмодернизма или бессмысленно сциентичной аналитической философии нахожу достаточно необоснованным занятием, ибо как Принц самолично отмечает: «Сто лет назад философы изучали формальную логику, теперь они изучают технологию психологического эксперимента. Это естественное развитие, так как психология выросла из философии. Экспериментальная философия пытается восстановить баланс этих областей» [6] – вся деятельность современной «научной» философии направлена на эклектицизм и конкуренцию с другими науками, большинство из которых носят ныне названия когнитивных наук. Если философы из Питтсбургской школы утверждают, что разрабатывают некий новый методологический подход, способный разрешить философскую проблему опытным путем, то, увы, тамошние философы также далеки от эмпирии, как и средневековые схоласты. «Предположим, мы спрашиваем: почему мы думаем? Если мы отвечаем, что думаем для того, чтобы действовать, то мы должны построить робота, который бы хорошо действовал. Робот прагматиста сконструирован так, чтобы переводить сенсорные данные в моторные реакции. Простейшие организмы, такие как парамеции, являются машинами ввода и вывода: они автоматически переводят данные в свое поведение. Они чувствуют источник энергии и тут же двигаются к нему. Человеческое сознание, конечно, находится на более высоком уровне развития, но мы не так далеко ушли от простейших организмов. Мы не всегда можем действовать автоматически, когда что-то воспринимаем. Мы обдумываем это, используя наш прошлый опыт для моделирования будущих результатов. Это достигается благодаря сохранению сенсорной информации и обработки виртуальных моторных реакций. Мы развились не благодаря эволюции языка мысли, а благодаря развитию нашей способности к симуляции. Размышление — это действие по созданию виртуальной реальности» [6] – размышления мистера Принца в основе верны, но, что печально, абсолютно не новы: спустя десятилетия развития истории философии мы меняем понятийный аппарат, придумываем новые категории для все тех же вещей – дает о себе знать поднятая еще Фреге проблема символической неоднозначности; почему мистер Принц говорит о теории отражения, выдвинутой материалистами еще в восемнадцатом веке, как о чем-то чрезвычайно необычном и новом, бесконечно подменяя понятия: «идеальное» заменяется «виртуальным», а диалектичность развития сознания умалчивается вообще? Очень вероятно, что мистер Принц попросту незнаком с подобной теорией и соответствующим категориальным аппаратом. Весь разговор мистера Принца об «эмпирическом повороте», его тяготения к постмодернизму («Фуко можно считать участником эмпирического поворота: те уроки, которые он извлек из истории, нельзя выучить, сидя в кресле, – они требуют исследования» [6]) есть топтание на одном месте, которое не может привести к прогрессу в любом случае.

Мы вынуждены признать, что философская мысль современности испытывает катастрофический для её ценности кризис: философия занимает место в кругах интеллектуально развитой молодежи не в качестве инструмента к преобразованию действительности, решению логических, политических и социальных проблем, а как занятная игрушка для сознания, используемая скорее для усвоения афоризмов и рассмотрения любопытных софизмов. Известный ныне континентальный философ Славой Жижек откровенно называет себя «поп-философом» и честно

осознаёт весь спектр проблем, павший на философскую науку в сегодняшние дни. К сожалению, проблема заключается также и в том, что даже если будет обнаружен новый метод для решения той или иной проблемы или даже если будет построена новая методология, очень вероятно, что она будет редуцирована до одной конкретной области знания, гипостазированной до такого уровня, что с философией эта область знаний не будет иметь ничего общего. Философской мысли, бесспорно, нужна позитивная ревизия – только так она сможет выжить в скоротечно меняющемся мире постмодернизма и мейнстрима; однако роль ревизионистов должны взять на себя люди, подлинно «любящие мудрость», которые готовы отнестись к своему занятию как к подлинно научному.

С развитием когнитивных наук современная аналитическая философия становится чем-то вроде обслуживающего персонала, который отвлеченно от сущности исследования подсовывает методы для его развития. «Я думаю, философия будет важна, как никогда раньше, даже для так называемых «простых людей». Почему? Невероятная социальная динамика сегодняшнего капитализма, наравне с научными и технологическими прорывами, настолько изменили существующий строй, что старые этические и религиозные системы больше не работают. Подумайте о биогенетических вмешательствах, которые даже могут изменить ваш характер и вашу психику. В традиционных этических системах даже не было возможности для появления подобных вещей, что означает, что нам самим нужно думать. Самим принимать решения. Мы больше не можем опираться на старые религиозные и этические формулы. Например: вы за или против биогенетических вмешательств? Для того чтобы решить, чтобы занять какую-то позицию, вы должны косвенным образом задать себе вопрос: обладаю ли я свободной волей? Действительно ли я в ответе за свои поступки? И так далее. Поэтому мне кажется, что XXI век будет веком философии» [7] – такими словами завершает свое интервью для “The Guardian” Славой Жижек; действительно, нам предстоит еще неоднократно возвращаться к «вечным» философским вопросам: вопросам о детерминизме, смысле, демократии, «конце истории», боге и т.д. и т.п., однако нам нужно максимально критически переосмыслить то состояние дел, в котором мы находимся нынче, вновь взять на вооружение тезисы Витгенштейна: «Моя книга излагает философские проблемы и показывает, как я полагаю, что постановка этих проблем основывается на неправильном понимании логики нашего языка» [3: 135] и «Философия не теория, а деятельность» [3: 79] – есть только конкретно-праксиологические проблемы, требующие конкретно-праксиологического подхода к их решению. Именно о подобных проблемах на самом деле рассуждает Принц и многие другие продолжатели англо-американской традиции, однако поиском эффективного подхода к их решению человечество будет озадачено еще многие десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика / Т.В. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
2. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; Пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. (Philosophy).
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Людвиг Витгенштейн; Пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2011. – 288 с. – (Philosophy).
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – 347 с. – (Philosophy).
5. Добросельский Л. Язык играет человеком, или реальность Витгенштейна / Людвиг Витгенштейн; пер. с нем. Л. Добросельского. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – 347 с. – (Philosophy).
6. Интервью с Джесси Принцем для журнала «Теория и практика». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://theoryandpractice.ru/posts/10078-prinz-interview>
7. 9 цитат из беседы Славоя Жижек с читателями The Guardian. – «Теория и практика». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://special.theoryandpractice.ru/zizlek>
8. Рассел Бертран, Уайтхед Альфред. Principia Mathematica. – <http://bookre.org/reader?file=775810>
9. «Über Sinn und Bedeutung», Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, (1892): 25-50, Готлоб Фреге (О смысле и значении)

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.філос.н., ст.в. К.В. Райхертом
Стаття надійшла до редакції 25.05.2015*